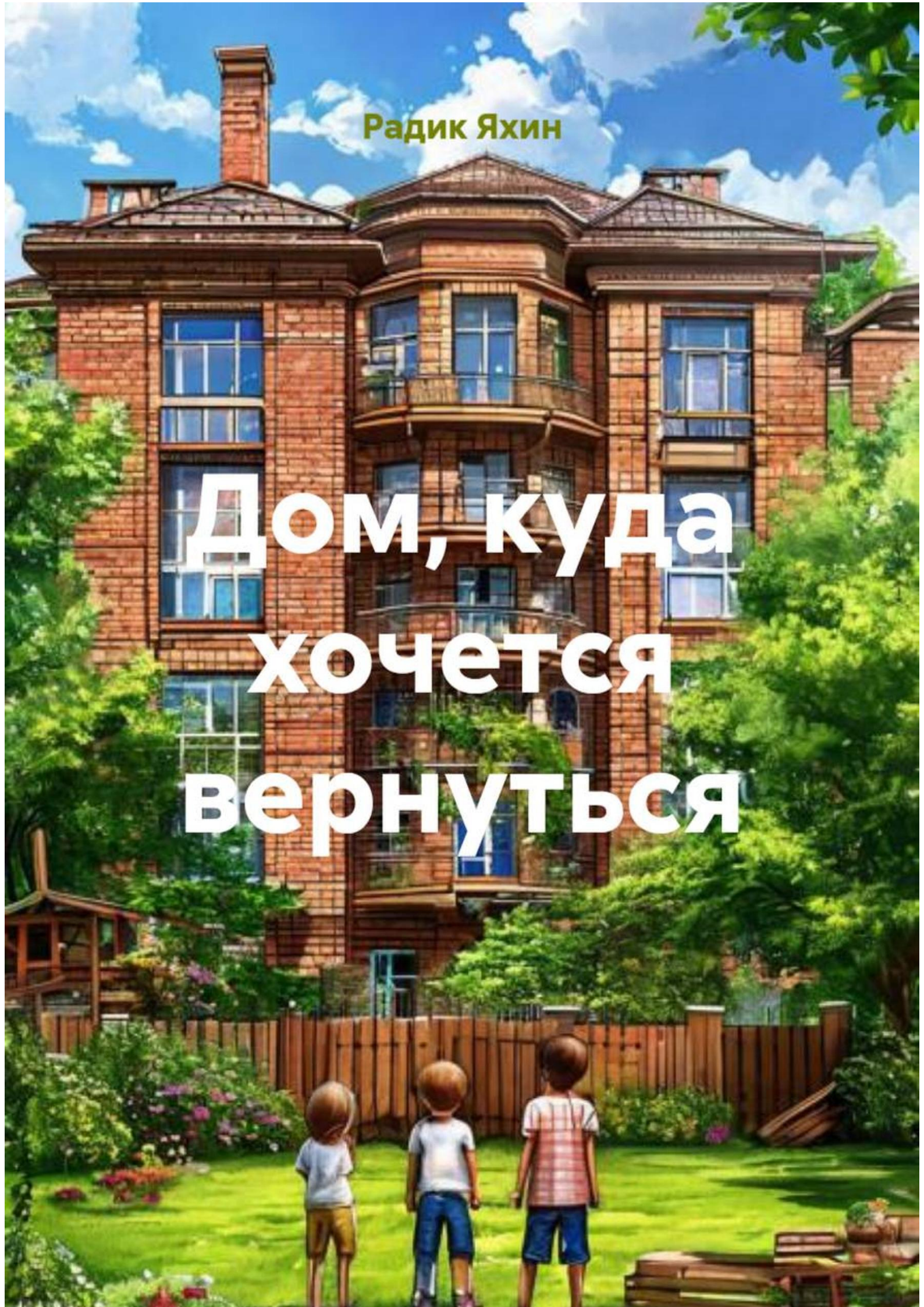

Радик Яхин

Дом, куда хочется вернуться

Радик Яхин

Дом, куда хочется вернуться

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Дом, куда хочется вернуться / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

«Дом, куда хочется вернуться» — пронзительная семейная сага, охватывающая три десятилетия и рассказывающая о судьбе четырёх человек, чьи жизни раскололись в один ненастный ноябрьский день. В центре повествования — семья Сагита и Фатимы: когда-то они были единым целым, сцементированным бытом, мечтами и тихой ежедневной работой любви. Но постепенно ржавчина тоски и невысказанных обид разъедает их союз — и однажды Сагит уходит, оставив жену и троих детей наедине с рухнувшей реальностью. Перед читателем разворачивается судьба каждого из детей...

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Дом, куда хочется вернуться

В доме, куда хочется вернуться, всегда пахнет одинаково: теплой пылью на солнечном подоконнике, ванилью из кухни и старой бумагой отцовских книг. Но в тот день, тридцать лет назад, запах был другим. В воздухе висел резкий, чужой аромат разбившихся надежд, перемешанный с горьким дымом дешевых сигарет. Руслан, самый младший, семи лет от роду, прижался лбом к холодному стеклу окна в своей комнате и смотрел, как его отец, Сагит, сторбившись под осенним дождем, грузит в багажник «Москвича» два потрепанных чемодана. Он не плакал. Он просто смотрел, пытаясь запомнить каждый жест, каждый клочок тумана изо рта отца на холодном воздухе, каждую каплю, скатывавшуюся с козырька его кепки. Это была его последняя обязанность перед уходом – унести чемоданы. А первая, самая страшная, уже свершилась час назад. Он услышал крик матери, Фатимы, из гостиной – не громкий, а сдавленный, будто ее душили. Потом глухой удар. Не по телу. По душе. Рамиль, пятнадцатилетний, сидел на кухне, стиснув кулаки так, что ногти впились в ладони, и смотрел в пустую чашку. Рида, двенадцати лет, заперлась в ванной и молча лила воду, чтобы заглушить собственные рыдания. А потом наступила тишина. Та самая, что бывает после взрыва, когда в ушах звенит, а мир становится черно-белым и неровным. Сагит вышел из гостиной, его лицо было серым, как пепел. Он медленно прошел на кухню, взял со стола свою любимую фаянсовую чашку в синих узорах – ту самую, из которой пил крепкий чай каждое утро пятнадцать лет, – и бросил ее в мусорное ведро. Она не разбилась. Она глухо стукнулась о жесть, и этот звук был страшнее любого грохота. Он означал: больше не будет этих утренних ритуалов, этого общего стола, этого дома. Потом он собрал чемоданы. Руслан, все еще прилипший к окну, видел, как отец, уже садясь в машину, поднял голову и посмотрел прямо на него. На одну секунду. В этом взгляде было все: бесконечная усталость, боль и какая-то невыносимая нежность. А потом «Москвич» дрогнул, фыркнул выхлопным газом и поплыл в серую пелену ноября, увозя с собой половину мира. Дом, куда хочется вернуться, перестал быть целым. Он треснул, как та чаша, что не разбилась, но навсегда утратила свое назначение. И никто тогда не мог предположить, сколько еще боли, странствий, мистических ужасов и ослепительных взлетов ждет каждого из них на пути обратно. Обратно к этому порогу, к этой двери, к этому запаху ванили и старой бумаги.

Любовь Сагита и Фатимы родилась не в саду под луной, а в длинном, пропахшем махоркой и дешевым одеколоном коридоре заводского общежития. Он был строгальщиком с руками, вечно исчерченными мелкими царапинами от стружки. Она – ткачихой, чьи пальцы порхали между нитями станка с гипнотической скоростью. Они встречались взглядами в общей очереди в столовой, где варили вечный борщ с неясным содержимым, и в полутемном кинозале «Ударник», где с треском крутили пленку. Их первым свиданием была прогулка по промерзшему январьскому парку, где они молча пили из одной бутылки «Буратино», и пар от их дыхания смешивался в одно облако. Он говорил мало, но каждое его слово было весомо, как кусок металла. Она смеялась звонко, и этот смех согревал его лучше любой печки. Он подарил ей на Восьмое марта не мимозу, а аккуратно выточенную из дубовой плашки шкатулку. «Для всякой женской ерунды», – пробормотал он, краснея. В этой шкатулке она хранила потом первые снимки УЗИ, первый выпавший зуб Рамиля, засушенный цветок со свадьбы. Свадьба была скромной, в загсе, с шестью гостями и тортом «Прага» из комбината общепита. Их первую комнату в том же общежитии, девять квадратных метров счастливого ада, они отвоевали у профкома после года брака. Там, под ностальгический треск радио «Маяк», родился Рамиль. Фатима пеленала его на узком диване, а Сагит, чтобы не мешать, часами стоял в коридоре, курил и слушал каждый писк сына сквозь тонкую фанерную дверь. Он чувствовал себя тита-

ном, держащим на плечах не небо, а этот хлипкий, убогий, но свой мир. Через три года, когда им наконец дали «двушку» в хрущевке на окраине, родилась Рида – тихая девочка с огромными, как у отца, карими глазами. А еще через пять лет, когда жизнь казалась уже налаженной поездкой по рельсам пятилеток, громом среди ясного неба стал Руслан – заводной, шумный, с искоркой непослушания в глазах. Он появился на свет в год Московской Олимпиады, и Сагит шутил, что сын решил добавить в семью свою золотую медаль. Квартира превратилась в космический корабль, где на кухне-капитанском мостике Фатима командовала кастрюлями, Сагит был штурманом и добытчиком, Рамиль – серьезным первым помощником, Рида – внимательным бортинженером, а Руслан – неисправным, но самым любимым двигателем, который то взрывался истериками, то заливался заразительным хохотом. По вечерам, когда дети засыпали, они с Сагитом сидели на кухне. Он пил чай из своей синей чашки, она что-то штопала. И говорили. О смене, о премии, о том, что Рамилю нужно новое пальто, а Риде – дополнительные занятия по математике. О будущем. «Вот построят новый микрорайон, нам обещали, – говорил Сагит, глядя в пар над чашкой. – Трехкомнатную. С раздельным санузлом. И балкон на южную сторону». «Главное, чтобы вместе», – отвечала Фатима, и ее нога под столом находила его ногу. Они были одним целым, сцементированным бытом, мечтами и этой тихой, ежедневной работой любви. Они думали, что так будет всегда. Они не знали, что ржавчина тоски и невысказанных обид уже точит стальную балку их союза. Они не видели, как в щель между их мирами задувает холодный ветер грядущих перемен. Ветер, который скоро назовут «девяностыми».

Развод не случился в один день. Он подкрадывался годами, как тихая плесень по углам сырой квартиры. Сагит, всегда немногословный, замкнулся окончательно. Работа на износ, вечная погоня за дефицитом то линолеума, то детских сапог, тупая усталость, которая копилась в костях. Он перестал видеть в Фатиме ту девушку из общежития. Она стала частью этой вечной, выматывающей гонки. Фатима, в свою очередь, тонула в быте, в вечных просьбах детей, в ощущении, что ее не замечают. Ее звонкий смех теперь звучал редко. Их разговоры на кухне свелись к обмену рублями и коротким фразам: «Передай соль», «На собрание в школе завтра», «Деньги кончились». Любовь ушла не с громким скандалом, а тихо, вытесненная обидой и молчанием. Последней каплей стала не другая женщина, как думали потом соседки. Последней каплей стала пустота. Однажды вечером Сагит пришел с работы, сел на свой стул и понял, что ему нечего сказать. Ничего. А Фатима, глядя на него, поняла, что и ждать от него уже нечего. Они проговорили всю ночь. Не кричали. Говорили устало и обреченно, как два бухгалтера, подводящие черту под убыточным предприятием. К утру решение было принято. Он уйдет. Дети останутся с матерью. Квартиру он им оставляет. Для детей это был конец света, наступивший в обычный вторник. Рамиль, всегда ответственный, замкнулся в себе, возненавидев отца за слабость и мать за то, что позволила этому случиться. Он стал взрослым в одночасье, его лицо окаменело. Рида ушла в книги и в тихие слезы по ночам. А Руслан, не понимая, начал отчаянно хулиганить, как будто своим буйством мог склеить обратно разбитое зеркало семьи. Через год после развода грохнул Советский Союз. Это было похоже на землетрясение, которое обрушило не только страну, но и все их хрупкие попытки наладить жизнь. Завод, где работал Сагит, встал. Фатиму, ткачиху, отправили в неоплачиваемый отпуск. Мир погрузился в хаос, который для семьи стал не абстрактной новостью, а голодом в холодильнике, страхом в темном подъезде и ледяным холодом в батареях. И именно в этой точке адской нужды пути троих детей начали расходиться, чтобы тридцать лет спустя сойтись вновь перед дверью того самого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.